

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Артур Конан Дойль

ДОЛИНА СТРАХА
♦
ЗАПИСКИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

«Обхохочешься» - - - - ЛИЛИИ МАККАРТИ
Лучшие карикатуристы

В сентябрьском номере мы начинаем публиковать

нового Шерлока Холмса

В этой повести сэра Артура Конан Дойля, которая будет выходить на протяжении нескольких месяцев, читателя ожидает не менее напряженная, захватывающая интрига, чем в предыдущей – «Собаке Баскервиль».

НОВЫЙ ГРАНДИОЗНЫЙ

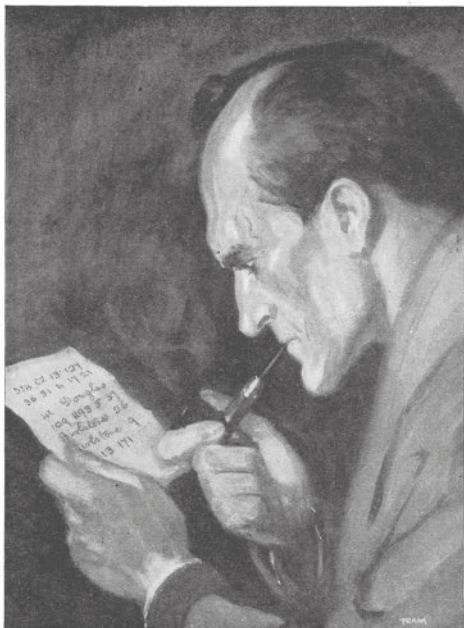
ШЕРЛОК ХОЛМС

ИЗДАНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ
«Долина Страха»

КОНАН ДОЙЛЯ

НАПРЯЖЕННАЯ,
ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ
ИНТРИГА

НАЧАЛО В
БЛИЖАЙШЕМ НОМЕРЕ

ЧТО ШЕРЛОК ХОЛМС НАШЕЛ В КОНВЕРТЕТЕ?

The Valley of Fear.

Part I

The Manor-house of Birlstone

Chap. I. The Warning

"I am inclined to think —" said ^I ~~Watson~~ ^{remarked}

"I should do so" Sherlock Holmes ^{interrupted} impatiently.

^{I believe that I am one of} ~~Watson~~ ^{I admit} ~~was the most long suffering of mortals but I blush~~ ~~that I was annoyed at the sanative interception~~ ~~of my answers some of his checks.~~

"Really, Holmes" ^{said I severely} ~~said he~~ "you are a little ^{trying} ~~accommodating~~ at times."

^{He} ~~Watson~~ ^{was too much absorbed with his own thoughts to give} ^{to any remonstrance.} ~~any immediate answer.~~ He leaned upon his hand, with his unattracted breakfast before him, and he stared at the slip of paper which he had just drawn from its envelope.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА «ДОЛИНЫ СТРАХА» — ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ

«Стрэнд», август 1914 г.

ЧАСТЬ I

Берлстоунская трагедия

Глава I

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

— Я склонен думать... — начал я.

— Это похвально, — нетерпеливо бросил Шерлок Холмс.

Кротости и терпения мне не занимать, но, признаюсь, это язвительное замечание меня задело.

— Ей-богу, Холмс, — отозвался я сердито, — временами вы бываете просто невыносимы.

Холмс был слишком занят собственными мыслями, чтобы тут же ответить на мой упрек. Не обращая внимания на стоявший перед ним нетронутый завтрак, он упер подбородок в ладонь и принялся рассматривать листок бумаги, который только что вынул из конверта. Потом взял сам конверт, поднес к свету и тщательно изучил как наружную сторону, так и отворот.

— Почерк Порлока, — задумчиво протянул он. — Почти не сомневаюсь, хотя видел его только дважды. Греческое «е» с особой завитушкой наверху не оставляет сомнений. Но если это Порлок, значит речь идет о чем-то чрезвычайно важном.

Холмс обращался скорее к себе, чем ко мне, однако его слова настолько меня заинтересовали, что я забыл о своем раздражении.

— Кто такой этот Порлок? — спросил я.

— Порлок, Ватсон, это *nom-de-plume*¹, простое обозначение, но за ним стоит загадочная личность. В предыдущем письме он откровенно признался, что имя вымышленное, и утверждал хвастливо, будто мне ни за что не найти его среди миллионного населения Лондона. Порлок важен не сам по себе, а тем, что связан с одной крупной фигурой. Представьте себе рыбулоцмана рядом с акулой, шакала рядом со львом — что-то мелкое рядом с чем-то грозным. Не просто грозным, Ватсон, но

---

¹ Псевдоним (фр.).

зловещим, до крайности зловещим. Этим он для меня и значим. Я уже рассказывал вам о профессоре Мориарти?

— Знаменитый преступник и притом большой ученый. Среди мошенников он прославлен так же, как...

— Вы вгоняете меня в краску, Ватсон, — пробормотал Холмс.

— Я собирался сказать: как неизвестен широкой публике.

— Укол засчитан! — воскликнул Холмс. — Вы делаетесь насмешником, Ватсон, кто бы мог подумать! Мне следует вас остерегаться. Однако ваше заявление, что Мориарти преступник, закон сочтет клеветой — в том-то вся штука! Комбинатор, каких свет не видел, устроитель всех мыслимых злодейств, мозг всего преступного мира, ум, способный возвышать или губить народы, — вот кто он такой! Притом никому не придет в голову ни заподозрить его, ни осудить: Мориарти настолько ловко умеет устраиваться и уходить от ответственности, что, обвини вы его публично, он подал бы в суд — и компенсацией за его душевные раны послужила бы ваша годовая пенсия. Ведь он же прославленный автор «Динамики астероида» — книги, воспаряющей к таким высотам чистой математики, что, как говорят, в научной прессе не нашлось критика, способного высказать о ней суждение! Возводить хулу на такого человека? Доктор-клеветник и безвинно опороченный профессор — вот как посмотрела бы на вас публика! Он гений, Ватсон. Но если его подручные до меня не доберутся, будет и на нашей улице праздник.

— Дай мне бог до этого дожить! — искренне воскликнул я. — Но вы говорили о Порлоке.

— Ах да, так называемый Порлок — звено в цепи, у самого ее замка. И, между нами, звено не вполне надежное. Насколько мне удалось выяснить, других слабых звеньев в ней нет.

— Но прочность цепи как раз определяется самым слабым звеном.

— Именно так, дорогой Ватсон! Вот почему Порлок так важен. В его душе дремлют некоторые зачатки добродетели, которые я разумно поощряю, время от времени посылая ему обходными путями десятифунтовые банкноты, за что он раз или два снабжал меня сведениями не просто полезными, а очень полезными: они помогали не раскрыть, а предотвратить преступление. Не сомневаюсь, если бы мы знали шифр, то убедились бы, что и это послание содержит именно такое предупреждение.

Холмс снова расправил листок на своей пустой тарелке. Я встал и через плечо Холмса стал рассматривать необычную запись:

534 K2 13 127 36 31 4 17 21 41
ДАГЛАС 109 293 5 БЕРЛСТОУН
26 37 БЕРЛСТОУН 9 127 171

— Что вы об этом думаете, Холмс?
— Автор явно пытался передать какую-то секретную информацию.

— Но какой смысл в зашифрованном послании, если отсутствует ключ к шифру?

— В данный момент никакого.

— Почему именно в данный момент?

— Потому что многие шифры я разгадываю с такой же легкостью, как подоплеку объявлений в газете; занятие увлекательное и не утомляющее ум. Но тут дело другое. Ясно, что цифрами обозначено расположение нужных слов на странице какой-то книги. Пока мне не скажут, что это за книга и которая страница, я бессилён.

— Но как же Даглас и Берлстоун?

— Очевидно, этих слов на странице не было.

— Почему же он не назвал книгу?

— Ваша природная сообразительность, Ватсон, и врожденное хитроумие, которому не нарадуются ваши друзья, конечно, удержали бы вас от того, чтобы поместить в один конверт и послание, и ключ к шифру. Если письмо попадет не в те руки, вы пропали. А так беды не случится, разве что будут перехвачены оба письма. Ожидание уже затягивается, и я буду очень удивлен, если со второй почтой не получу конверта с объяснением или же, что еще вероятней, самой книги, нужной для расшифровки.

Не прошло и десяти минут, как предсказание Холмса исполнилось: на пороге появился мальчик-слуга Билли с тем самым письмом.

— Почерк тот же, — заметил Холмс, вскрывая конверт. — Есть даже подпись, — радостно добавил он, когда развернул листок. — Отлично, Ватсон, дело движется.

Просмотрев послание, Холмс, однако, нахмурился.

— Вот досада! Боюсь, Ватсон, наши ожидания не оправдываются. Только бы Порлок остался цел.

«Дорогой мистер Холмс, — гласило письмо, — я ставлю в этом деле точку. Слишком опасно: он меня подозревает. Точно подозревает. Я как раз надписал конверт, чтобы отослать вам ключ к шифру, и тут он явился. Я ухитрился спрятать письмо. Если бы он заметил, мне бы несдобровать. Но у него на лице было написано, что он подозревает. Пожалуйста, сожгите шифровку, теперь она вам не пригодится. Фред Порлок».

Холмс хмуро глядел в огонь, теребя в руке письмо.

— В конце концов, — произнес он наконец, — это может ничего не значить. Просто нечистая совесть. Считает себя предателем, вот ему и чудится, будто тот, другой, видит его насквозь.

— Другой — это, надо полагать, профессор Мориарти?

— А как же! Когда слышите от них «он», то можете не сомневаться. «Он» в этой компании только один.

— Но что он может сделать?

— Хм! Выбор широкий. Если на тебя ополчился один из самых мощных умов Европы и за ним стоят все силы тьмы, можешь ожидать чего угодно. Как бы то ни было, мой приятель Порлок явно напуган до полусмерти: будьте любезны, сравните надписи на листке и на конверте. Последняя, по его словам, сделана до прихода зловещего гостя. В одном случае мы видим твердый, разборчивый почерк. В другом — едва понятные каракули.

— Зачем он вообще написал? Мог же молча выйти из игры?

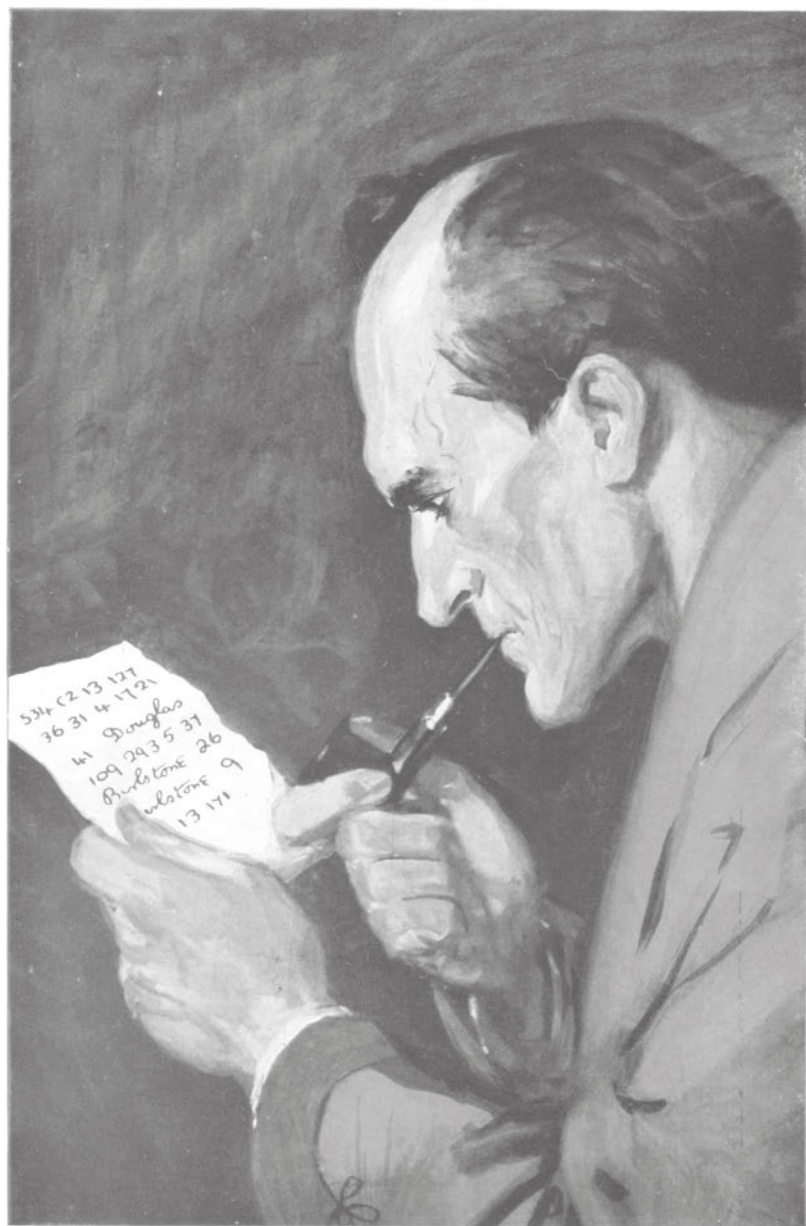
— Опасался, что я стану наводить о нем справки и накличу беду.

— Несомненно, — согласился я. Взяв письмо с необычным шифром, я стал его разглядывать. — Можно с ума сойти: держишь в руках этот листок бумаги и знаешь, что он хранит в себе секрет, разгадать который человеку не под силу.

Шерлок Холмс отодвинул нетронутый завтрак и закурил вонючую трубку — спутницу самых углубленных его размышлений.

— Однако! — Он откинулся на спинку кресла и обратил взгляд к потолку. — А нет ли здесь зацепок, ускользнувших от вашего интеллекта, достойного Макиавелли? Рассмотрим проблему в свете чистого разума. Этот человек отсылает нас к книге. Она и станет нашим отправным пунктом.

— Не вполне определенным.

534 2 13 127
76 31 4 1721
41 Douglas
109 293 5 37
Burlstone 26
Burlstone 9
13 171

— Посмотрим, не удастся ли нам сузить поиск. При ближайшем рассмотрении загадка представляется не столь неразрешимой. Какие у нас есть указания относительно книги?

— Никаких.

— Ну-ну, не так уж все беспросветно. Шифровка начинается с больших цифр пять, три, четыре, так ведь? Примем в качестве рабочей гипотезы, что пятьсот тридцать четыре — номер страницы, к которой относится шифр. Книга, стало быть, не какая-нибудь, а *толстая* — что-то уже проясняется. Что еще мы знаем про эту толстую книгу? Следующий значок — К-два. Каковы, Ватсон, ваши выводы?

— Том разделен на книги. Это, конечно же, вторая книга.

— Вряд ли, Ватсон. Несомненно, вы согласитесь с тем, что раз дана страница, то номер книги не важен.

— Колонка! — воскликнул я.

— Блестяще, Ватсон! Вы нынче в ударе. Если не колонка, значит я очень сильно ошибаюсь. Ну вот, перед нами вырисовывается толстая книга, напечатанная в две колонки, причем обе немалой длины: одно из слов в документе пронумеровано как двести девяносто третье. Больше нам ничто не приходит в голову?

— Боюсь, наши возможности исчерпаны.

— Вы несправедливы к себе, дорогой Ватсон. Постарайтесь, и на вас снизойдет очередное озарение! Будь это необычная книга, отправитель прислал бы ее мне. Но он, пока его не спугнули, собирался вложить ключ к шифру в конверт. Так сказано в записке. Отсюда следует вывод, что нужная книга, по его мнению, имеется у меня под рукой. Она есть у него — и он не сомневался, что и у меня тоже. Короче, Ватсон, это книга самая распространенная.

— Звучит убедительно.

— Итак, искать нужно среди книг толстых, напечатанных в две колонки и имеющих в каждом доме.

— Библия! — торжествующе воскликнул я.

— Недурно, Ватсон, очень даже недурно! Но если позволите, не совсем в точку. Относительно меня ваше лестное суждение, быть может, и верно, но чтобы один из сообщников Мориарти сделал Библию своей настольной книгой... Кроме того, Священное Писание существует во множестве изданий: трудно

рассчитывать, что у нас окажутся одинаковые. Ясно, что речь идет о стандартной книге. Порлок не сомневался, что его пятьсот тридцать четвертая страница совпадет с моей.

— Но этому условию отвечает совсем немного книг.

— Именно. Вот в чем и заключается наше спасение. Поле поиска сузилось до стандартных книг, имеющихся у каждого.

— Брэдшо!

— С ним сложно, Ватсон. Язык Брэдшо живой и лаконичный, однако набор слов у него ограничен. Едва ли его хватит, чтобы составить послание. Брэдшо мы исключаем. Словарь, боюсь, не годится по той же причине. Что остается?

— Ежегодник!

— Прекрасно, Ватсон! Или я решительно неправ, или же вы взяли верный след. Ежегодник! Посмотрим, что говорит в пользу альманаха Уитакера. Он широко распространен. В нем достаточно страниц. Печатается в две колонки. Ранние выпуски написаны небогатым языком, но в последних, если не ошибаюсь, эта сдержанность отброшена. — Холмс взял том с полки. — Вот пятьсот тридцать четвертая страница, вторая колонка. Как вижу, немало места занимает тема торговли и природных богатств Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон! Тринадцатым стоит «Маратха». Боюсь, начало не слишком обнадеживающее. Номер сто двадцать семь — «власти»; это, по крайней мере, осмысленно, хотя далековато от нас и профессора Мориарти. Пробуем дальше. Маратха, власти которой?.. Увы, следующее слово — «щетина». Незадача, дружище Ватсон! Все, точка!

Холмс говорил шутливым тоном, но его насупленные густые брови выдавали досаду. Не зная, что делать, я грустно уставился в камин. Долгое молчание прервал возглас Холмса: метнувшись к шкафу, мой друг извлек оттуда еще один том в желтом переплете.

— Вот что значит, Ватсон, опережать свое время! — воскликнул он. — Как обычно, это выходит боком. Сейчас седьмое января, и мы, как полагается, обзавелись новым альманахом. А Порлок, скорее всего, воспользовался старым, когда составлял послание. Не сомневаюсь, в письме с ключом он бы это оговорил. Ну-с, посмотрим, что приготовлено для нас на пятьсот тридцать четвертой странице. Номер тринадцатый — «угрожает».

Это уже интересней. Сто двадцать семь — «большие». — Глаза Холмса сверкали, тонкие нервные пальцы дергались, пока он взволнованно считал слова. — «Опасность». Ха-ха! Превосходно! Запишите это, Ватсон! «Угрожает большие опасность... может... очень... скоро... человека... фамилия... Тут у нас фамилия: Даглас... богатого... хозяин... в... Берлстоун... Хаус... деревня... Берлстоун... верность... знаем... вот-вот». Готово, Ватсон! Ну, что вы теперь думаете о чистом разуме и его возможностях? Послать бы сейчас Билли за лавровым венком — жаль, зеленщик ими не торгует.

Я глядел на странное послание, которое записал под диктовку Холмса, примостив лист бумаги на колене.

— Запутанный он избрал способ для выражения своих мыслей! — заметил я.

— Напротив, он на редкость успешно справился с задачей. Поди выскажи все, что ты задумал, когда у тебя для подбора нужных слов есть всего одна колонка текста. Приходится отчасти полагаться на сообразительность своего корреспондента. Все яснее ясного. Готовится какая-то пакость, объект — некий Даглас, богатый сельский джентльмен, место проживания указано. Порлок уверен («верность» — самое близкое слово, которое ему попало), что опасность близка. Вот вам результат, и надо признать: анализ проведен не без остроумия!

Холмс, как истинный художник, всегда восхищался, словно бы со стороны, лучшими образчиками своего искусства и впадал в мрачное уныние всякий раз, когда не оправдывал собственных высоких ожиданий. Пока он, с довольным хихиканьем, упивался своим успехом, Билли распахнул дверь, впуская в комнату инспектора Макдональда из Скотленд-Ярда.

Дело происходило в конце восьмидесятых, в те давние времена, когда имя Алека Макдональда еще не гремело по всей стране. Несмотря на свою молодость, он успел отличиться в ряде расследований и был на хорошем счету в сыскной полиции. Его высокий рост и крепкое сложение говорили о большой физической силе, меж тем как крупная голова и пронзительный блеск глубоко посаженных глаз под кустистыми бровями служили не менее явным признаком острого ума. Немногословный и педантичный, он держался строго, даже сурово, говорил с сильным абердинским акцентом.